

KAZIM MEÇİYEV HAKKINDA YENİ ARAŞTIRMALAR VE KEŞİFLER

Asiyat DODUEVA*

Öz

Kazım Meçiyev (1859-1945), modern Balkar edebiyatının kurucusu olan şair daha yaşarken bile eserleriyle halkın malı ve gururu oldu. K. Meçiyev'in eserlerinin savaş öncesi kayıtlarının tutulduğu KBNIİ arşivleri, 1942'de Büyük Vatanseverlik Savaşı yangınında yok olmuş ve şairin eserleri esas olarak halkın hafızası sayesinde günümüze kadar korunmuştur.

Devrim öncesinden beri K. Meçiyev'in şiirleri tüm Balkarya'da ezbere biliniyordu. Birçok insanın, Kazım'ın eserlerini hafızalarından kaydettikleri özel defterleri vardı. Bu, şairin aynı eserlerinin farklı versiyonlarının varlığını da açıklamaktadır. Bu nedenle şiirsel metinlerin versiyonlarında genellikle ritmik kalıbı ve kafiye sistemini koruyan birçok eşanlı paralellik vardır. Sonraları yayıncılar ve araştırmacılar büyük şairin eserlerini bu defterlerdeki notlara dayanarak yayınladılar.

Makale, ünlü folklorist T.M. Hacıyeva tarafından 2016 yılında Rusya Bilimler Akademisi Arşivi'nin St. Petersburg şubesinde ortaya çıkarılan Kazım Meçiyev'in dini şiirlerinden birinin kaydının çalışmasına ayrılmıştır. Kayıt, ünlü bilim adamı, Türkolog A.K. Borovkov tarafından 1929'da yapılmıştır.

Bu çalışma, Kazım'ın eserlerinin kendisi hayatta iken yapılan ilk kayıtlarından olan nadir bir tarihî belgedir. Modern Karaçay-Balkar dilinin gelişiminin ilk aşamalarından birini yansıtır ve bilim adamlarının bu dili sistematik olarak incelemeye başladıkları dönemde ortoepinin özgünlüğünü korur. Metin, Latin alfabesi ile yazılmıştır ve edebiyat tarihinin yanı sıra linguistik açıdan da büyük ilgi görmektedir. Karaçay-Balkar dilinin kişi ve sayı gibi gramer kategorilerinin tasarımına, konuşmanın nominal bölümlerinin iyelik biçimlerinin çekimine dikkat çekmek gerekir. Metin aynı zamanda, şiirin bazı yayınlanmış versiyonlarının içeriğini de açıklığa kavuşturmuştur. Çünkü Karaçay-Balkar dilinin seslerinin daha doğru bir şekilde kaydedilmesi, Arap alfabesindeki metinlerin çevirisinin aksine, önemli olması nedeniyle okuma için nesnel zorluklara neden olmaktadır. Her iki dilin fonetik sistemlerindeki fark bu metinde görülebilir.

Bu makale K. Meçiyev'in bu şiirinin daha önce yayınlanmış versiyonlarıyla karşılaştırmalı bir analizi, şairin eserlerinin yayınlanmasıyla ilgili birçok güncel konuya ışık tutmaktadır. Makale, varyantların metinlerindeki yapı, kelime hazinesi, görsel araçlar, sözdizimsel yapılar düzeyindeki benzerlikleri ve farklılıkları tanımlayarak, şiirin içeriğinde kalan belirsiz yerleri yorumlamaktadır. 1929 yılında yapılan bu kayıt, şiirin kuşkusuz Kazım Meçiyev'in şiiri olarak nitelendirilmesini mümkün kılması açısından da önemlidir.

Yakın zamana kadar, yazarlığın alternatif bir versiyonu vardı: 2007'de Filoloji Doktoru K. Malkonduev, bu şiiri ünlü İslam kültürü ve eğitimcisi Dauut-Haci Şavayev'in eserlerinin koleksiyonuna dâhil etti ve eserin yazarının Dauut-Haci Şavayev olduğuna inanan Ş. Kuliyeva'ya atıfta bulundu (1979). Arşiv bulgusu, K. Meçiyev'in eserlerinin metinlerinin toplanması ve sistemleştirilmesi çalışmalarına devam edilmesi gerektiğini doğrulamaktadır. Nihai amaç da önemlidir - şairin edebî mirasının akademik bir yayınında eserlerinin tüm versiyonları bir araya getirilecek ve ciddi metinolojik çalışmalar yapılacaktır.

Anahtar kelimeler: Kazım Meçiyev, arşiv bulguları, şiir versiyonları, transkripsiyon, kelime hazinesi, Karaçay-Balkar dili, karşılaştırmalı analiz, ilişkilendirme.

* Okutman, Rusya Federasyonu, Kabardey-Balkar Cumhuriyeti, Elbrus Kültür ve Edebiyat Dergisi Editörü, Nalçık/Rusya, dodueva.a@mail.ru, ORCID: 0000-0002-0381-8188

KYAZIM MECHEV: DISCOVERIES ARE STILL POSSIBLE

Abstract

Kyazim Mechiev (1859-1945) is the founder of modern Balkar literature. During his lifetime, the poet's work became the property of the people and their pride. The archives of KBNI, where the pre-war recordings of K. Mechiev's works were kept, burned down in 1942 in the fire of the Great Patriotic War, and the poet's works were preserved mainly thanks to the people's memory.

From pre-revolutionary times K. Mechiev's poems were known by heart throughout Balkaria. Many had special notebooks in which they wrote down the works of Kazim from memory. This explains the existence of different versions of the same works of the poet that is why there are so many synonymous parallels in the versions of poetic texts, which usually preserve the rhythmic pattern and rhyme system.

Subsequently, when publishing the works of the great poet, publishers and researchers relied on the notes in these notebooks.

This article is devoted to the study of the record of one of the religious poems by Kyazim Mechiev, identified by the famous folklorist T. M. Khadzhieva in 2016 in the St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. The text was recorded by the famous Turkic scholar A.K. Borovkov in 1929.

The text is written down in Latin script and is of great linguistic interest, in addition to literary history. Attention is drawn to such grammatical categories of the Karachai-Balkarian language as person and number, declension of possessive forms of nominal parts of speech. The text also clarifies the content of the published versions of the poem due to a more accurate recording of the sounds of the Karachai-Balkarian language, in contrast to the transliteration of texts in the Arabic script, which causes objective difficulties for reading due to the significant difference in the phonetic systems of both languages.

A comparative analysis of this entry with previously published versions of this poem by K. Mechiev sheds light on many topical issues related to the publication of the poet's works. The article defines the similarities and differences in the texts of the variants at the level of the plot, vocabulary, artistic means, syntactic constructions, interprets the remaining not entirely clear places in the content of the poem.

It is also important that the recording of 1929 makes it possible to attribute this poem as undoubtedly K. Mechiev's.

Until recently, there was an alternative version of authorship: in 2007, Doctor of Philology Kh. Malkonduev included this poem in the collection of works of the famous figure of Islamic culture and education Daut-Khadzhi Shavaev, referring to the informant Sh. Kuliev (1979), who believed that the author of the work is Daut -Hadji Shavaev.

The archival find confirms that the work on collecting and systematizing the texts of K. Mechiev's works must be continued. The ultimate goal is also relevant - an academic publication of the poet's literary heritage, in which all versions of his works would be brought together and serious textological work would be carried out.

Keywords: Kyazim Mechiev, archival find, versions of a poem, transliteration, vocabulary, Karachay-Balkarian language, comparative analysis, attribution.

КЯЗИМ МЕЧИЕВ: ОТКРЫТИЯ ЕЩЕ ВОЗМОЖНЫ

Резюме

Кязим Мечиев (1859-1945). – основоположник современной балкарской литературы. Творчество поэта еще при жизни стало достоянием народа и его гордостью. Архивы КБНИИ, где хранились довоенные записи сочинений К. Мечиева, сгорели в 1942 году в огне Великой Отечественной войны, и произведения поэта сохранились в основном благодаря народной памяти.

Стихи К. Мечиева с дореволюционных времен знали наизусть по всей Балкарии. У многих имелись специальные тетради, в которые они по памяти записывали произведения Кязима. Этим объясняется существование различных вариантов одних и тех же произведений поэта, оттого так много синонимических параллелей в вариантах стихотворных текстов, обычно сохраняющих ритмический рисунок и систему рифмовки.

В последующем при издании произведений великого поэта публикаторы и исследователи опирались на записи в этих тетрадях.

Статья посвящена исследованию выявленной известным фольклористом Т. М. Хаджиевой в 2016 году в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН записи одного из религиозных стихотворений Кязима Мечиева. Запись произведена известным ученым-тюркологом А. К. Боровковым в 1929 году.

Это редкий исторический документ, являющийся одним из первых зафиксированных прижизненных образцов произведений Кязима. В нем отражен один из ранних этапов развития современного карачаево-балкарского языка и сохранена специфика его орфоэпии в период, когда к системному научному изучению языка ученые только приступали.

Текст записан на латинской графике и представляет, помимо историко-литературного, большой лингвистический интерес. Обращает на себя внимание оформление в нем таких грамматических категорий карачаево-балкарского языка, как лицо и число, склонение притяжательных форм именных частей речи. Текст вносит также ясность в содержание некоторых опубликованных вариантов стихотворения благодаря более точной записи звуков карачаево-балкарского языка в отличие от транслитерации текстов на арабской графике, которая вызывает объективные трудности для чтения из-за существенной разницы в фонетических системах обоих языков.

Сопоставительный анализ данной записи с опубликованными ранее вариантами этого стихотворения К. Мечиева проливает свет на многие актуальные вопросы, связанные с изданием произведений поэта. В статье определяются сходство и различия в текстах вариантов на уровне сюжета, лексики, изобразительных средств, синтаксических конструкций, интерпретируются остающиеся не вполне ясными места в содержании стихотворения.

Важно также, что запись 1929 года позволяет атрибутировать данное стихотворение как безусловно кязимовское.

До недавнего времени существовала альтернативная версия авторства: в 2007 году доктор филологических наук Х. Малкондуев включил данное стихотворение в сборник произведений известного деятеля исламской культуры и просвещения Дауута-Хаджи Шаваева, ссылаясь на информанта Ш. Кулиева (1979), полагавшего, что автором произведения является Дауут-Хаджи Шаваев.

Архивная находка подтверждает, что работу по сбору и систематизации текстов произведений К. Мечиева нужно продолжать. Актуальной остается и конечная цель – академическое издание литературного наследия поэта, в котором были бы сведены воедино все варианты его произведений и проведена серьезная текстологическая работа.

Ключевые слова: Кязим Мечиев, архивная находка, варианты стихотворения, транслитерация, лексика, карачаево-балкарский язык, сравнительный анализ, атрибуция.

Введение

Кязим Мечиев – основоположник современной балкарской литературы, создавший новую поэтическую традицию и оставивший потомкам поэзию, отмеченную эпической мощью и гениальностью.

Он прожил большую жизнь. Народ знал его и почитал как великого мудреца и своего заступника.

Удивительна, уникальна история жизни Кязима и судьба его бессмертных творений. Творчество поэта еще при жизни стало достоянием народа и его гордостью. Произведения Кязима сохранились в основном благодаря народной памяти. Архивы КБНИИ, где хранились довоенные записи сочинений К. Мечиева, сгорели в 1942 году в огне Великой Отечественной войны.

Замечательное свидетельство о народности поэзии Кязима оставил Кайсын Кулиев в своей статье «Талант и мудрость»: «Никогда не забуду мою поездку в горы летом 1940 года. Тогда со мной были московский художник и литератор. (...) Нам нужно было идти в Шики. Там жил человек, который вошел в мою жизнь с самого моего детства. Я обожал его...» (Kuliyev, 2011: 402).

К. Кулиев и его спутники несколько дней жили в доме у Кязима.

«Все в Кязиме вызывало уважение, все приковывало к нему пристальное внимание моих спутников-москвичей. Был такой случай. В сельском клубе устроили литературный вечер. Кязим сидел с нами за столиком на маленькой эстраде. Он читал первым, читал свои старые стихи, в которых тревоги и беды ночным снегом падают в дымоходы саклей горских крестьян. Кязим читал особенно. Другой такой манеры чтения стихов я не встречал. <...> На вечере в Шики, слушая Кязима, все плакали. Плакали старые неграмотные крестьяне и школьники. Затем стали выходить на эстраду один за другим старики и старухи. Они читали наизусть стихи своего земляка. Это не могло не удивить. Такое встречается очень редко. Никакие статьи не могли бы красноречивее доказать истинную народность поэзии Мечиева. Его стихи жили, подобно пословицам, в душе народа, а не определенного круга читающих людей» (Кулиев 2011: 406).

Стихи К. Мечиева с дореволюционных времен знали наизусть не только в Шики, но и по всей Балкарии. У многих имелись специальные тетради, в которых были записаны произведения Кязима, особенно много – на религиозные темы. При переписке, возможно, допускались ошибки. Как отмечал писатель Алим Теппеев, один из исследователей творчества поэта, бесписьменный период оставил свой след и в том, как сохранилось кязимовское творчество (Терреуев, 1989: 129).

Ни война, ни годы депортации не смогли изъять из коллективной памяти народа дорогие строки поэтических произведений Кязима. Кто-то запомнил его лирические стихи, кто-то – религиозные, равные зикрам, кто-то – философскую и гражданскую лирику...

И сегодня немало людей, родившихся спустя годы после смерти великого поэта и мыслителя, хранят в своей памяти его стихи, и некоторые из них все еще не опубликованы.

В 2016 году известный фольклорист Т. М. Хаджиева в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН среди записей фольклора карачаевцев и балкарцев, осуществленных Балкарско-карачаевской лингвистической экспедицией академика Н. Я. Марра в 1929 году в Черекском и Хуламо-Безенгиевском ущельях Кабардино-Балкарии, выявила текст одного из

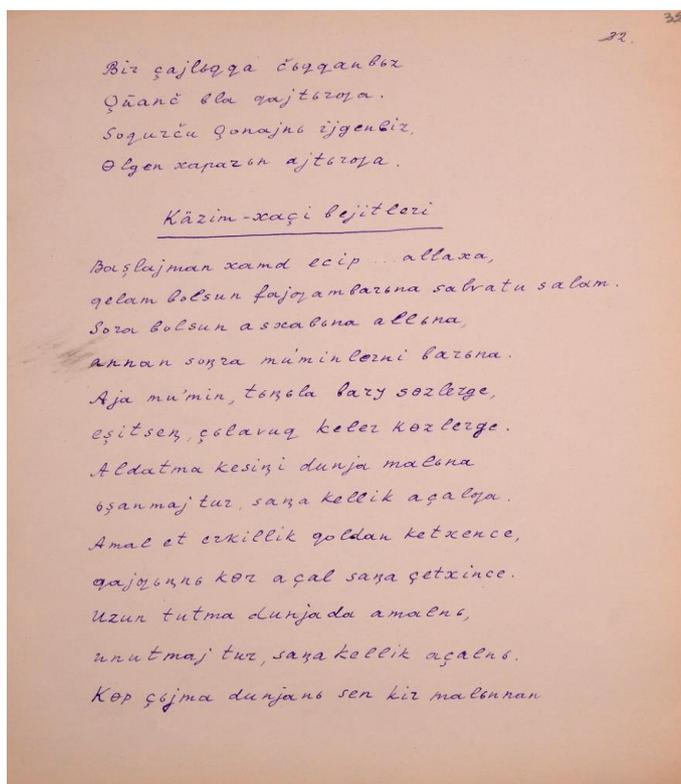
религиозных стихотворений Кязима Мечиева, который был озаглавлен «Кязим-хажи[ни] бейитлери» – «Бейты Кязима-хаджи». Эта запись произведена участником экспедиции, известным ученым-тюркологом А. К. Боровковым. Она особенно ценна тем, что сделана при жизни Кязима, и, возможно, в Шики, у самого автора.

Текст записан на карачаево-балкарском языке, на латинской графике и состоит из 101 бейта. Он представляет, помимо историко-литературного, большой лингвистический интерес.

В основе этого стихотворения К. Мечиева лежит религиозно-философское представление о жизни мусульманина в загробном мире и посмертном воздаянии в зависимости от его земных деяний.

Примечательно, что данный текст записан в соответствии с произношением того времени и сохранил историческую форму звучания балкарской речи, характерной для первой трети XX века. Заметное число элементов архаики в языке бейтов убеждает в том, что они были записаны из уст представителя старшего поколения.

Балкарский алфавит на латинской графике, состоявший поначалу из 31 буквы, был разработан в середине 1920-х годов и действовал до 1937 – 1938 гг. Алфавит на арабской графике, использовавшийся балкарцами до этого периода, был сложным и не учитывал специфики фонетической системы карачаево-балкарского языка. Этим и объясняется трудность в последующем транскрипции и транслитерации балкарских текстов на арабской графике.

Прежде всего, в записи бейтов обращает на себя внимание оформление таких грамматических категорий карачаево-балкарского языка, как лицо и число.

Аффикс множественного числа имен существительных раньше имел форму **-лар/-лер**, сегодня он редуцирован в языке до **-ла/-ле** (за исключением случая его употребления в словах во множественном числе в категории принадлежности: *китапларым* «мои книги»): *адамалар* – *адамла* «люди», *кёзлер* – *кёзле* «глаза», *муминлер* – *муминле* «мумины», *отлар* – *отла* «огни» и др. Глаголы во множественном числе, в 3 лице, в будущем времени также оформлены аффиксом **-лар/лер**: *жууарлар* – *жууарла* «омоют», *чыгъарлар* – *чыгъарла* «выйдут», *кетерлер* – *кетерле* «уйдут», *тинтерлер* – *тинтирле* «изучат, исследуют», *берирлер* – *берирле* «отдадут», *эшитмезлер* – *эшитмезле* «не услышат» и др.

Глаголы в 1-м и 2-м лице, в настоящем и будущем времени, в единственном числе в записи имеют аффиксы **-ман/-мен** и **-сан/-сен** соответственно. Конечный **н** в этих аффиксах, образованных от личных местоимений, в современном карачаево-балкарском языке не используется: *башлайман* – *башлайма* «начинаю», *къачарлыкъман* – *къачарлыкъма* «убегу», *жатарсан* – *жатарса* «будешь лежать», *билирсен* – *билирсе* «узнаешь» и др. Встречается и устаревшая форма *айтайын* в 1-м лице, в будущем времени вместо *айтайым* «скажу».

Правила орфографии карачаево-балкарского языка впервые были разработаны лишь в 1934-1935 годах, и потому в записи 1929 года зафиксированы орфоэпические (произносительные) нормы: *эткеллеринг* – вместо *этгенлеринг* «все, тобой содеянное»; *эримейин* – вместо *эринмейин* «не ленясь»; *эркилик* – вместо *эркинлик* «свобода», «право»; *къоркъаннан* – вместо *къоркъъандан* «от страха»; *мыннан* – вместо *мындан* «отсюда»; *кёкке* – вместо *кёкге* «в небо»; *ахыратта* – вместо *ахыратда* «в загробном мире», *тапмассан* – вместо *тапмазса* «не найдешь» и т. д.

Встречаются в записи и лексико-фонетические диалектизмы: *жылауукъ* – вместо *жылямукъ* «слеза»; *жауап* – вместо *жууап* «ответ», *сёйлеширге* – вместо *сёлеширге* «говорить»; *кетхенче* – вместо *кетгинчи* «пока не ушел»; *былан* – вместо *бла* «с» (предлог), *сонгра*, *сонг* – вместо *сора* «затем», *изни* – вместо *изми* «проповедь» и др.

Слово «ад» в записи представлено в следующих вариантах: *жаханнам*, *жеханным*, *жаханим*, *жаханнем*.

При практической транслитерации записи 1929 года нами проведена требуемая правка (*орурлар* – *урурла*; *эчип* – *этип*; *инчхе* – *энишге*, *чургъаллар* – *чулгъарла*, *къойарлар* – *къуярла*, *терингне* – *теренге* и др.); рядом со словами, вызывающими сомнения в точности их записи, в скобках даются предполагаемые варианты: *сындырыр* (*сингдирир?*); *жюрюрсенг* (*жюрюсенг?* *жюрюй эсенг?*); *соруп* (*сюрюп?*); *хакъыннан* (*хакъ ийнан?*).

Небезынтересно, что в карачаево-балкарском языке в 1920-е годы к притяжательным формам именных частей речи в родительном и винительном падежах, которые совпадают по форме, наравне с аффиксом **-ы/-и** после согласных прибавлялся и аффикс **-ны/-ни**: (для перевода ограничимся формой винительного падежа) *башынгны* – *башынгы* «твою голову», *къайгъынгни* – *къайгъынгы* «твое беспокойство»; *гитченгни*, *уллунгну* – *гитченги*, *уллунгу* «всё» (букв. «твое и большое, и малое»), *иегилерингни* – *иегилеринги* «твой ребра»; *хатангни* – *хатангы* «твою вину»; встречается даже аффикс **-гъы**: *жанынггъы* – *жанынгы* «твою жизнь / душу», а дательный падеж оформлялся аффиксом **-на**: *къарындашынгна* – *къарындашынга* «твоему брату», *башынгна* – *башынга* «твоей голове».

Данные бейты Кязима под названием «Йгилик бла аманлыкъ» («Добро и зло») впервые были опубликованы в 1-м томе Собрания сочинений поэта в двух томах в 1989 году (составитель, автор предисловия и комментариев – А. М. Теппеев). Стихотворение было

записано в 1976 году в Яникое у эфенди Сейфуллаха Жазаева, который считал, что оно является зикром и должно называться «Мучения на том свете». Текст этого же стихотворения, записанный тогда же в Безенги у Сахая Хуламханова, назывался «Добро и зло».

По мнению А. М. Теппеева, хотя содержание данного произведения и основано на религиозных верованиях человека, его представлениях о потустороннем мире, Кязим, несмотря на то, что был глубоко верующим человеком, все же не ограничивается только религиозной тематикой и показывает в целом природу философских категорий добра и зла. В этом и заключается литературно-художественное значение данного стихотворения, пишет А. М. Теппеев, отмечая, что для К. Мечиева концепт «Аллах» объединяет в себе такие нравственные категории, как правда, совесть, честь, человечность, чистота, доброта, чистосердечие, милосердие и др. (Терреуев, 1989: 388). Следовательно, название «Добро и зло» представляется А. М. Теппееву более соответствующим замыслу Кязима.

Стихотворение «Добро и зло» содержит 146 строк, или 73 бейта. При сравнении этого текста с записью А. К. Боровкова совершенно идентичными оказались 27 строк, а бейтов – только 5. Встречаются в варианте, опубликованном в 1989 году, строки, совпадающие по смыслу и отличающиеся от записанного А. К. Боровковым незначительно в порядке слов и грамматических связях между ними, но есть и явно чужеродные вставки.

Надо иметь в виду, что двухтомное Собрание сочинений Кязима готовилось к печати в советское время, и общественно-политическая конъюнктура не могла не приниматься во внимание при издании его религиозных и гражданских стихов.

В издании 1989 года в тексте бейтов религиозные термины в основном подменялись нейтральной лексикой. Ср. (в скобках указаны номера бейтов в записи А. К. Боровкова и в издании 1989 года): *мумин* (№ 3) – *жууугъум* «родич» (№ 1); *иблис* (№ 54) – *аманлыкъ* «зло» (№ 23); *къаргъанырса... намаз къылыргъа* «будешь клясться совершать намаз» (№ 9) – *къаргъанырса хыйладан кенг турургъа* «будешь клясться сторониться хитрости, коварства» (№ 6); *ахыратда* «в загробном мире» (№№ 58, 89) – *хар къайда* «везде» (№ 26) и *ахыр кюнюнде* «в последний свой день» (№ 69); *садакъадан бир аз бер* «подавай понемногу милостыню» (№ 60) – *жол азыкъгъа бир зат бер* «дай что-нибудь из еды в дорогу» (№ 28); *махшар кюнде* «в день воскресения» (№ 35) – *къызгъан къумда* «в горячих песках» (№ 41); *Китап айтхан* «что говорит Китаб (т. е. Коран)» (№ 57) – *Кязим айтхан* «что говорит Кязим» (№ 25); *беш намаз* «пять намазов» (№ 66) – *инсан ишлеринг* «человеческие долги» (№ 53); *Аллахха этген къуллугъунг* «твоя служба Аллаху» (№ 63) – *сени этген къуллугъунг* «твоя служба (вообще)» (№ 29) и др.

Заметно расхождение в обоих текстах и в повествовательном времени. В записи А. К. Боровкова речь идет о будущем и возможном в будущем (на том свете), соответственно, используется грамматическое будущее время. Например: *Адамла, басдырып сени, кетерле. // Мычымайын Мункер-Накир жетерле* – «Люди, похоронив тебя, уйдут, // Незамедлительно Мункер и Накир **явятся**» (№ 20). В публикации 1989 года события в этом мире и на том свете описаны, как свершившиеся, в прошедшем категорическом времени: *Адамла сени басдырып кетдиле, // Мычымайын Мункер, Накир жетдиле* – «Люди, похоронив тебя, **ушли**, // Незамедлительно Мункер и Накир **явились**» (№ 15).

Встречаются в публикации 1989 года и принесенные предостережения и наставления: *Зорлукъ этген, динни бузгъан къутулмаз, // Саякълыкъ, уру – бир зат нуутулмаз* – «Не спасутся те, кто творит насилие, не соблюдает религиозные предписания,

// Распутство, воровство – ничто не будет забыто» (№ 36); *Аллах бла сакъланайыкъ амандан, // Тергеу ал сен, адам улу, ма мындан* – «Давайте уберемся от зла с помощью Аллаха, // Сделай выводы из всего этого, человек» (№ 49); *Сюймекликге айып этме, къаиш туююп, – // Къартха, жашха аны ызы бир кибик. // Хакъ, файгъамбар сабий къызны да алды, // Ёмюрюнде аны сюйгенлей къалды* – «Не осуждай любовь, насупив брови, // И к старому, и к молодому она приходит равно. // Истина, что Пророк женился на юной девушке // И навсегда остался в нее влюбленным» (№№ 59, 60); *Салгъан болсанг къамичи жара жарлыгъа, – // Къысар сени сууукъ къабыр тарлыгъы!* – «Если нанесешь бедняку рану плетью, – // Стиснет тебя теснота холодной могилы!» (№ 68).

Для содержания текста, опубликованного в 1989 году, характерно переплетение религиозно-эсхатологической тематики с реальной действительностью, и идея стихотворения сводится к призыву жить в мире, соблюдая законы нравственности, не совершая грехов.

Значительный вклад в собрание, атрибуцию произведений Кязима Мечиева, в развитие кязимоведения внес известный балкарский поэт Абдуллах Бегиев. Составленный и изданный им в 1996 году сборник произведений К. Мечиева «Назмула. Зикирле. Поэмала» («Стихи. Зикры. Поэмы». Нальчик: Эльбрус, 1996) по праву может называться новаторским. Он коренным образом отличался от всех предыдущих изданий Кязима Мечиева.

В данном томе впервые было опубликовано большое количество неизвестных широкому читателю произведений К. Мечиева, в том числе и религиозных, был дан обширный комментарий. Обнаруженные в ходе многолетних поисков записи произведений Кязима позволили А. Бегиеву показать его не только как великого поэта, но и как религиозного философа и просветителя.

Исследователь творчества К. Мечиева Р. Кучмезова отмечает: «Ценность книг Кязима, подготовленных Бегиевым, его статей, комментариев не в том, что они безупречны и теперь по ним требуется «сверять иные издания». Нет. Уязвимы, неполны, непобедимо субъективны в анализирующей части и они. Здесь окончательность, исчерпанность и невозможны, они просто немного освобождают слово Кязима из-под идеологизированного, цензурирующего сознания, впервые открывая его и тюркскому миру, и молодому поколению соотечественников. Непременно будут издания, исследования, дополняющие или оппонирующие существующим, что естественно и радостно. Неизбежно появится новый взгляд, новый ракурс, и хочется верить, новые тексты» (Kuçmezova, 2013: 26).

Действительно, Поиск Не Завершен.

А. Бегиев пишет: «Некоторые удивляются, откуда все еще находятся стихи Кязима. Это вовсе не удивительно – во-первых, все написанное Кязимом народ знает наизусть. Во-вторых, никто до последнего времени специально не занимался сбором и записью политических и религиозных стихов у тех, кто помнил их наизусть, да и заниматься не было возможности – такое было время.

Кроме того, стоило обратиться к тем, кто хоть в какой-то мере знал Кязима, каждый читал стихотворение или отрывок, или вспоминал интересный факт, которые ни в одной книге пока не встречались и о чем никто еще не писал. Я сам тому свидетель. Вот это удивительно! Удивительна любовь к Кязиму, удивительно величие самого Кязима!» (Begiev, 1996: 13).

Стихотворение, известное по 1-му тому Собрания сочинений Кязима под названием «Игилик бла аманлыкъ» («Добро и зло»), в сборнике, подготовленном А. Бегиевым, было озаглавлено «Аллахха махтау» («Восхваление Аллаха»).

А. Бегиев в ходе поисков по всей республике выявил и записал большое количество произведений К. Мечиева. В своих комментариях он приводит рассказ одного из своих информантов Жангуразовой Кызыйки: «Когда мы вернулись из ссылки, мы попали в Верхнюю Жемталу. Как-то я шла по улице в Нижней Жемтале, и одна кабардинка – я не знала, кто она, она немного говорила по-балкарски, – говорит: «Ты, балкарка, постой-ка». Я села и стала ждать ее. Она вышла с какой-то книгой (тетрадью. – Д. А.) и говорит: «Эта книга со мной не разговаривает. Эта книга балкарцев. Найдена она в Безенги. Я отдам ее тебе...» Я так обрадовалась! Обняла ту женщину, взяла книгу и ушла. Звали ее Марият. Из Нижней Жемталы... Я не знала, что это были стихи Кязима. Потом узнала...» (Beiyev, 1996: 508).

Как пишет А. Бегиев, Марият Сокурова, сохранившая тетрадь с записями произведений К. Мечиева до возвращения балкарцев из депортации, знала арабскую графику, но содержание текстов ей было недоступно – они были на балкарском языке. В действительности, та тетрадь была обнаружена в Шики, в щели каменной ограды, когда балкарцев уже выселили, уточняет А. Бегиев.

Именно в той тетради оказался текст бейтов Кязима. Со стихотворением «Добро и зло» опубликованный А. Бегиевым вариант точно совпал лишь в 47 строках. Но он практически полностью совпадает с текстом «Бейты Кязима-хаджи», записанным А. К. Боровковым, по содержанию и последовательности стихов. Названия у стихотворения не было, а озаглавил его уже составитель сборника – по первой строке («Махтау болсун бир Аллахха бу келям» – «Да будет это слово восхвалением Аллаха»).

А. Бегиев в комментариях отмечал, что в других записях этого стихотворения первая строка звучит: «Башлайма хамд этип Аллахха келям». (Точно так, как в записи А. К. Боровкова. – А. Д.) Такие расхождения в текстах стихотворений Кязима А. Бегиев объясняет тем, что поэт сам не раз возвращался к своим произведениям и продолжал их совершенствовать.

При сопоставлении текстов стихотворения Кязима в записи А. К. Боровкова и в издании 1996 года выявляется, что в них одинаковое количество бейтов – по 101, но в издании 1996 года последние две строки являются благопожеланием информанта в адрес автора. Следовательно, один из бейтов здесь отсутствует, а именно – 47-й, по записи Боровкова: *Берирле тефтеринги санга, чулгъанып, // Окъурса, ичиндегилерин танып* – «Дадут тебе твою тетрадь свернутой, // Прочитаешь, узнавая то, что в ней написано». (По исламу, все деяния человека – и хорошие, и плохие – записываются ангелами в тетрадь, которая будет дана ему в Судный день.) Однако, этот бейт есть в издании 1989 года: *Келтирдиле тефтеринги, чулгъанып, // Окъудунг ичиндегилерин, танып* (№ 16). Разница здесь в одном слове: *берирле* «дадут» (1929) – *келтирдиле* «принесли» (1989), и грамматическое время в записи Боровкова – будущее, а в издании 1989 года – прошедшее.

Несмотря на смысловую общность варианта текста, опубликованного А. Бегиевым, с записью А. К. Боровкова, разница в них все же существенная.

Из 101 бейта полностью в обоих текстах совпали лишь 24, а строк – всего 84. В остальных строках обнаруживаются несоответствия лексические, грамматические и стилистические. Лексические расхождения требуют особого внимания. В начале текста в

записи А. К. Боровкова представлена своеобразная иерархия в славословии: сперва называется Аллах, потом – его Пророк, далее – асхабы (сподвижники пророка Мухаммада, видевшие и слышавшие его), затем – мумины (искренне уверовавшие в Аллаха, так, что вера становится смыслом их существования, охватывает все их помыслы и поступки). В издании 1996 года слово *муминле* «мумины» во втором бейте заменено словом *буслийманла* «мусульмане». (Мусульмане – это все последователи ислама.) Статус мумина выше статуса мусульманов (или мусульман). «Каждый мумин является мусульманином, но не каждый мусульманин является мумином», – пояснил средневековый исламский богослов Ибн Дакик аль-Ид.

Во втором бейте в записи А. К. Боровкова: *Сора болсун асхабына аллына*, // *Андан сора – муминлени барына* слово *аллына* требует уточнения: является ли оно термином, как представлено в издании 1996 года в значении *ахлула, жууукъла* «родственники», или это простое наречие балкарского языка *аллына* – «сперва», «вначале», «прежде чего-либо»?

В текст 1996 года привнесены не характерные для поэтического почерка Кязима короткие слова, вроде частиц **шо, ма, иш**, указательного местоимения **бу** «этот» – для выстраивания требуемой ритмики строки. Ср.: *Этсенг дуньяда адамлагъа артыкълыкъ* «Если сотворишь в мире зло (насилие) над людьми» (№ 80, 1929) – *Бу дуньяда этсенг шо бир артыкълыкъ* «Если в **этом** мире сотворишь **хоть** одно зло» (№ 79, 1996); *Аллах былан сакъланабыз биз андан* «С помощью Аллаха мы спасаемся от этого» (№ 92, 1929) – *Аллах бла сакъланабыз биз ма андан* «С помощью Аллаха мы спасаемся **вот** от этого» (№ 91, 1996); *Адамны ызындан сёгюп сёлешсенг* «Если будешь порочить человека за спиной» (№ 76, 1929) – *Сакъ бол, адамны ызындан иш сёгерсе* «Смотри, не порочь человека за спиной» (№ 75, 1996).

Синтаксис у Кязима в этом стихотворении по записи 1929 года очень простой, практически не встречается инверсий, и потому на этом фоне грамматическая конструкция в бейте № 32 в издании 1996 года выбивается из общей картины: *Сен – махшаргъа дери анда къалырдан*, // *Къобар ол кюн хар адам да къабырдан* – «Тебе до Судного дня – пребывать в могиле, // Восстанут из могил все мертвые в тот день».

Правда, в записи А. К. Боровкова в этом бейте (№ 32) нет рифмы: *Къалырса къабырда махшаргъа дери*, // *Къобарла къабырдан хар адам ол кюн*. Отсутствие рифмы также не характерно для стиля Кязима Мечиева.

Более «литературно» в издании 1996 года зазвучали некоторые строки: *Сен алдатсанг Иблис деген душманнга* (№ 89, 1929) – *Сен алдатсанг Иблисге, душманнга* (№ 88, 1996); *Алсанг дуньяда адамны хакъын, урлап* (№ 79, 1929) – *Адам хакъын алгъан болсанг сен, урлап* (№ 78, 1996) и др.

Обращает на себя внимание частое замещение определенных лексем по записи А. К. Боровкова их синонимами в издании 1996 года: *къабыргъа келгенинги* (№ 17, 1929) – *къабыргъа киргенинги* (№ 17, 1996); *ётюрюк айтсанг* (№ 78) – *жалгъан айтсанг* (№ 77); *энишге тигелеп* (№ 50) – *энишге юрюлюп* (№ 49); *къачарса ... атангдан* (№ 43) – *ёнгелерсе ... атангдан* (№ 43); *кёрюрсе ... жангыз кесинги* (№ 19) – *кёрюрсе ... жангыз ёзюнгю* (№ 19); *къабыргъа сугъарла* (№ 15) – *къабыргъа салырла* (№ 15); *басдырып ... кетерле* (№ 20) – *кёмюп ... кетерле* (№ 20); *хар бир ишге боюн сал* (№ 57) – *хар бир сёзге боюн сал* (№ 56); *къоркъурса ол кюнде* (№ 43) – *элгенирсе ол кюн* (№ 43); *кирмезсе ... жаннетге* (№ 73) – *ёталмазса жаннетге* (№ 72); *Иблис айтханны этерге* (№ 94) – *Иблисге бойсунургъа* (№ 93).

Множественны в обоих текстах расхождения и в грамматических формах (аспекты, наклонения, залогии глаголов, модальность высказываний): *жауап бермесенг* (№ 24, 1929) – *жууап бералмасанг* (№ 24, 1996); *тапмазса* (№ 37) – *табалмазса* (№ 37); *ол келир башынга* (№ 68) – *ол келликди башынга* (№ 67); *алдатма кесинги* (№ 95) – *алдатмай тур кесинги* (№ 94); *беш намазын... эталгъан* (№ 93) – *беш намазны эталгъан* (№ 92); *тергеу алчы* (№ 92) – *тергеу алгъын* (№ 91); *санга айтайым ёлмекликни халындан* (№ 7) – *санга айтама ёлмекликни халындан* (№ 7) и др.

Примечательно, что тексту в записи 1929 года присуща большая конкретика, чем в издании 1996 года:

1) *Тенглеринг тюз этер[ле] къуру санынги* «Твои друзья распрямят оставленное душой твоё тело» (№ 12, 1929) – *Олсагъатдан тюзетирле санынги* «Тут же распрямят твоё тело» (№ 12, 1996). Двусоставное предложение становится односоставным: подлежащее *тенглеринг*, определение *къуру* в нём отсутствуют.

2) *Жанарса, жаханым отда* «Будешь гореть в адовом огне» (№ 51) – *Жанарса жаханымде* «Будешь гореть в аду» (№ 50).

3) *Барырса Сыйратха, малекле соруп (сюрюп?)* «Пойдешь к Сирату, допрашиваемый (погоняемый?) ангелами» (№ 50) – *Барырса анда Сыйратха, терк сюрюлюп* «Пойдешь там к Сирату, погоняемый быстро» (№ 49).

4) *Жилярса малекге: суу бер деп манга* «Взмолишься ангелу: дай мне воды» (№ 53) – *Жилярса ол кюн: «Суу беригиз, – деп, – манга!»* «Заплачешь в тот день: «Дайте мне воды!»» (№ 52).

5) *Къабыл болур Аллахха этген къуллугъунг* «Будет принято твоё служение Аллаху» (№ 63) – *Къабыл болур сени этген къуллугъунг* «Будет принято твоё (вообще) служение» (№ 62).

6) *Ахыратда сен къалырса бушманнга* «На том свете ты будешь горевать» (№ 89) – *Ахырында сен къалырса бушманнга* «В конце (в итоге) ты будешь горевать» (№ 88).

И, наоборот, в издании 1996 года в ряде строк встречаются новые слова, которые дополняют или же изменяют их смысл:

1) *Дунияда намаз къылма деп буюрур* «В мире намаз не совершай, повелит» (№ 82) – «*Намаз къылма!*» – *деп арсарсыз буюрур* «Не совершай намаз!» – повелит **решительно**» (№ 81).

2) *Кирмезсе, жаным, сен арталлы жаннетге* «Не войдешь ты, душа моя, никогда в рай» (№ 73) – *Ёталмазса жаханымден жаннетге* «Не сможешь перейти ты из ада в рай» (№ 72).

3) ... *сен жаннетге кирirse* «... ты войдешь в рай» (№ 65) – ... *нюр жаннетге кирirse* «... ты войдешь в **светлый** рай» (№ 63).

4) *Ёлюкню халлары санга айтайым* «Я расскажу тебе о том, что будет с умершим» (№ 33) – *Санга ол кюнню халлары айтайым* «Я расскажу тебе о том, что будет **в тот день**» (№ 33).

5) *Файгъамбар айтханны эшит, ангыла!* «Внемли, пойми, что говорит Пророк» (№ 96) – *Файгъамбар айтханланы иги ангыла* «**Хорошо** пойми все, что говорит Пророк» (№ 95).

Косвенная речь по записи текста 1929 года трансформирована в прямую в издании 1996 года:

1) *Саусунуп, кьычырырса адамлагъа* «Ожив, ты крикнешь людям» (№ 18) – «*Сауман!*» – *деп кьычырырса адамлагъа* «Я жив!» – крикнешь ты людям» (№ 18).

2) *Сорурла анда сени намазынгдан* «Спросят там, совершал ли ты намаз» (№ 23) – *Бек сурурла: «Айтчы – деп, – намазынгдан!»* «Строго спросят: «Скажи-ка, совершал ли ты намаз?»» (№ 23).

3) *Дунияда намаз кьылма деп буюрур* «Повелит в мире не совершать намаз» (№ 82) – «*Намаз кьылма!*» – *деп арсарсыз буюрур* «Не совершай намаз!» – повелит решительно» (№ 81).

В записи текста стихотворения Кязима, произведенной А. К. Боровковым, есть «темные» места, требующие уточнения и пояснения. Например, в бейте № 49: *Аллах сени хыйсап этер сууатха*, // *Санларынгы сёлешидирир шагъатха* – в изданиях Кязима 1989 и 1996 годов вместо слова *сууатха* встречается слово *сагъатха*. Запись А. К. Боровкова не дает никаких оснований читать это слово как *сагъат* «час». Но значение здесь термина *сууат* (не *сууап!*) остается неясным.

Бейт № 19 (1929): *Эшитмезле адамла анда сесинги*, // *Кёрюрге кьабырда жангыз кесинги* – в 1996 году представлен в виде: *Бир адам да эшитмез анда сёзюнгю*, // *Кёрюрге кьабырда жангыз ёзюнгю*. Рифмы есть в обоих вариантах: *сесинги – кесинги, сёзюнгю – ёзюнгю*.

Устаревшее слово *сес* (в винительном падеже – *сесинги*) имеет в карачаево-балкарском языке значение «голос», «звук», «шум». Следовательно, в бейте № 19 (1929) сказано: «Не услышат люди там **твоего голоса**» (*сесинги*), а не «твоего **слова**» (*сёзюнгю*).

В бейте № 38 (1929) в строке: *Кюн энер жууукъгъа бир аты... кьадар* – недописано слово *атым*, как подтверждается и вариантами стихотворения в изданиях 1989 и 1996 годов (*атым* – расстояние, равное полету выпущенной стрелы).

В бейте № 53 (1929): *Жилярса малекге, суу бер деп манга*, // *Жа...ай тур, деп жауап берир ол санга* – отсутствующая в слове *жа...ай* часть – буквосочетание **нш**, как можно легко догадаться.

В издании 1989 года этот бейт был сильно искажен: *Жалынырса: «Суу беригиз, – деп, – манга!»* // *Къысха жууап бермез киши да санга* – «Взмолишься: «Дайте мне воды!» // Никто скоро (быстро) не откликнется [на твою мольбу]».

Бейт № 64 (1929) вызывает наибольшие затруднения для однозначного понимания, так как записанный на слух текст явно содержит ошибки. Точная транслитерация бейта в записи 1929 года: «Эриммейин ... жама'атха жюрюрсенг, // Хакъ кьатында сыйладан бересенг». Этот бейт в издании 1996 года: *Эринмейин, жамагъатха жюрюсенг*, // *Халкъ кьатында сыйлыладан бири – сен – «Если, не лентясь, ты будешь поддерживать связи с людьми, // Ты в народе – один из почитаемых людей».*

Тот же бейт в издании 1989 года: *Эринмейин, сен жумагъа жюрюсенг, – // Хакъ жанында сыйлыладан бирисен!* (№ 31) – «Если, не лентясь, ты будешь ходить на джума (пятничный намаз), // Поистине, ты один из почитаемых [людей]».

Возможное, хоть и небесспорное толкование, исходя из записи А. К. Боровкова, с предлагаемой конъектурой: *Эринмейин, жамауатха жюрюй эсенг, // Хакъ атындан сыйладан бере эсенг* – «Если, не ленись, ты поддерживаешь связи с людьми, // [Если] ради Творца ты даешь дары (т. е. делишься с другими своим благосостоянием)». Следующий бейт по записи 1929 года: *Чомарт болсанг, сен жаннетге кирирсе, // Сыйратдан кёк жашнагъанлай жюрюрсе* – «Если будешь щедрым, ты войдешь в рай, // По [мосту] Сират пройдешь, как молния» – позволяет предположить, что в предыдущем бейте речь все-таки идет о том, чтобы *отдавать дары*, а не о том, чтобы *быть почитаемым* среди людей. Здесь требуются уточнения.

Безусловная и огромная ценность обнаруженного Т. М. Хаджиевой в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН текста стихотворения Кязима Мечиева заключается в том, что он вносит ясность в некоторые строки опубликованных его вариантов благодаря более точной записи звуков балкарского языка в отличие от транслитерации балкарских текстов на арабской графике, которая вызывает объективные трудности для чтения из-за существенной разницы в фонетических системах обоих языков.

В бейте № 28 (1929): *Къабыр къысар, аман тарлыкъ жетдирир, // Иегилеринги бир бирсинден ётдюрюр* – букв.: «Могила стиснет, доставит [тебе] большую тесноту, // **Ребра** [твои] зайдут одно за другое» – в изданиях 1989 и 1996 годов вместо слова *иегиле* «ребра» напечатано *жикле* «суставы».

Значение первой строки бейта № 40 (1996): *Жюклерсе ол кюн аркъанга адамынги, // Билалмазса ол кюн боллукъ халынги* – букв.: «Погрузишь в тот день на спину своих **людей** (в знач.: «Возьмешь на себя ответственность за ближних»?), // Не сможешь узнать, что будет с тобой в тот день» – проясняется благодаря записи 1929 года: *Жюклерсе аркъанга хар амалынги, // Билмезсе ол кюнде боллукъ халынги* – букв.: «Погрузишь на спину все свои **деяния**, // Не будешь знать, что будет с тобой в тот день». Речь здесь идет не о *людях* (родне), а обо всех земных деяниях человека.

В бейте № 57 (1929): *Ахшылыкъ этсенг дуняда бир берип, // Къууанырса, ахыратда онг кёрюп* – «Если сделаешь добро в этом мире, подав один раз, // Обрадуешься, на том свете увидев для себя **возможность спасения**» – вторая строка в издании 1996 года опубликована в виде: *Къууанырсан, ахыратда он кёрюп* – «Обрадуешься, на том свете увидев (получив) **в десять раз больше**». В этом бейте слово *онг* «возможность» представляется более соответствующим авторскому оригиналу, и речь здесь идет о том, что человек на том свете обрадуется, увидев для себя *возможность спасения*, а не получит *в десять раз больше [милостей]*.

В бейте № 62 (1929): *Жаннетлени сайламасын алырса, – // Жаханымден узакъ болуп къалырса* – «Ты получишь **лучший из всех уровней** рая, // И останешься далеко от ада (т. е. избежнешь ада)» – слово *сайламасын* («лучший, избранный») не вызывает никаких сомнений в своей уместности и точности. В бейте говорится о том, что человек попадет в «**лучший из уровней рая**» (в единственном числе), а не в «*более почитаемые уровни рая*» (во множественном числе), как представлено в тексте издания 1996 года: «жаннетлени сыйлыларын алырса».

В первой строке бейта № 85 (1929): *Дуняда бий болуп, санга бармадым...* – слово *бий* «князь, владелец», а не *бай* «богач», как в издании 1996 года: *Дуняда бай болуп, санга бармадым* (бейт № 84).

Глагол в позитивной форме в бейте № 99 (1929): «Ючюнчюсюн **баян этейим** мен санга» – «Я **поясню** (открою) тебе и третье [третью истину]» – в издании 1996 года представлен в отрицательной форме: *Ючюнчюсюн баян этмем* мен санга – «Третье я тебе **не поясню** (не открою)».

Отрицательная форма глагола здесь нелогична, т. к. выше в стихотворении начинается перечисление пяти вознаграждений тому, кто сумеет в земной жизни совершать пять коллективных намазов в день: первое – ему не доведется испытать нищенства; второе – после смерти он избегнет мучений в могиле; а третье – «*берирле тефтерин онгундан анга*» – букв.: «дадут ему его тетрадь (т. е. книгу деяний) с **правой** стороны». В издании 1996 года эта строка представлена в следующем виде: *Берирле тефтерин он кюнден анга* – «Дадут ему его тетрадь **через десять дней**». Существенно здесь смысловое различие: *справа*, а не *через десять дней!* Это благоприятный знак, если тетрадь дают *справа*, т. е. в правую руку.

В бейте № 13 (1929): *Муллала къангагъа салып жууарла, // Эки къаты акъ бла сени чулгъарла* – «Муллы, положив на доску, омоют, // **Дважды** белым саваном тебя обернут» – числительное *эки* «два» в издании 1996 года превратилось в *жети* «семь», что противоречит обрядовым (ритуальным) предписаниям мусульманской религии. Но при следующем издании произведений Кязима (См.: *Мечиев К. Б. Избранные произведения / Сост. А. М. Бегиев. Нальчик: Эльбрус, 2009*) эта строка была исправлена (*два*, а не *семь*).

При сопоставлении двух текстов (1929 и 1996 гг.) обнаруживается, что последовательность стихов в них совпадает до 46-го бейта.

Нельзя исключать того, что бейты № 47 и № 48 по записи 1929 года в издании 1996 года стянуты в один бейт (№ 47): *Къарарла, тефтеринги санга берип, // Жиларсан, ичиндегилерин кёрюп* – «Посмотрят, отдав тебе твою тетрадь, // Заплачешь, увидев, что там написано». Далее тексты отличаются по нумерации на одну единицу: 49-й по записи 1929 года является бейтом № 48 по изданию 1996 года и т. д.

Наличие в бейтах № 47 и № 48 по записи 1929 года синонимических конструкций: *берирле тефтеринги санга* (№ 47) – *тефтеринги берип санга* (№ 48) и *ичиндегилерин танып* (№ 47) – *ичиндегилерин кёрюп* (№ 48) – наводит на мысль, что они, скорее всего, являются разными редакциями одного и того же бейта.

Бейты № 64 и 65 по записи 1929 года в издании 1996 года (№ 63 и № 64) представлены в обратном порядке.

100-й бейт в записи 1929 года завершает само стихотворение (содержательно), а последний, 101-й бейт, подводит авторскую черту: *Кязим харип бу назмуну этгенди, // Къоюп тынды, бейтлери жюз жетгенди* – «Бедный Кязим сложил это стихотворение // И остановился, [когда] бейты достигли ста».

В издании 1996 года 100-й бейт оказывается заключительным, авторским, а 101-й приписан кем-то из информантов и напечатан отдельно от текста стихотворения: *Аллах анга жаннет кийим кийдирсин, // Хар бирине жаны кибик сюдюрсюн* – «Пусть Аллах облачит его в райские одежды, // Пусть каждый его полюбит, как свою душу (жизнь)».

Сравнительному анализу каждого бейта этого стихотворения К. Мечиева во всех его вариантах можно посвятить целое исследование. Когда речь идет о творческом наследии великого поэта, значимо все.

К Каким Общим Выводам Можно Прийти?

Прежде всего, выявленный в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН текст стихотворения Кязима Мечиева в записи А. К. Боровкова – редкий исторический документ, являющийся одним из первых зафиксированных образцов произведений Кязима еще при жизни автора. В нем также отражен один из ранних этапов развития современного карачаево-балкарского языка и сохранена специфика его орфоэпии в период, когда к системному научному изучению языка ученые только приступали.

Существование большого количества вариантов одних и тех же произведений Кязима Мечиева – доказательство того, что в народе их знали наизусть очень многие, и каждый записывал и запоминал, как мог. Чувство слова присуще многим балкарцам, и те, кто был наделен поэтическим даром, могли потом, в качестве информантов, воспроизводить тексты произведений Кязима не механически, а «вживую» пересказывая, думая больше о смысле текста, а не его формальной стороне. Оттого, наверно, так много синонимических параллелей в вариантах стихотворных текстов, обычно сохраняющих ритмический рисунок и систему рифмовки.

География записанных текстов произведений Кязима – самая широкая: Кичмалка, Герпегеж, Хасанья, Белая Речка, Верхняя Жемтала, Яниккой, Безенги, Кёнделен, Хабаз, Нальчик, Шалушка, Верхняя Балкария – едва ли не все населенные пункты республики, где проживают балкарцы. Все это объясняет, почему в изданиях Кязима Мечиева одни и те же произведения различаются и по объему, и по строфике, и по названиям (в анализируемом случае одно и то же стихотворение озаглавлено: «Бейты Кязима-хаджи» (скорее, это и не название, а обозначение текста при его записи), «Добро и зло» (Собр. соч. В 2 т., 1989), «Восхваление Аллаха» («Стихи. Зикры. Поэмы», 1996), и по датировке (1903-й – по изданию 1989 года, 1910-й – по установленному А. М. Бегиевым; в записи 1929 года указания на дату написания нет).

Записанный А. К. Боровковым текст бейтов Кязима не претерпел правки ни публикаторов, ни издателей, ни редакторов. Язык его прост и соответствует своему времени. В первой публикации этого стихотворения нашли отражение особенности эпохи – религиозные термины активно были заменены нейтральной лексикой, духовная направленность была переориентирована на воспитательный, назидательный пафос посредством привнесения в текст чужеродного содержания, духа и черт советской идеологии.

Текст стихотворения «Аллахха махтау» («Восхваление Аллаха») в издании 1996 года совпадает с записью А. К. Боровкова в гораздо большей степени, чем вариант, опубликованный в 1989 году в Собрании сочинений К. Мечиева.

Имеет важное значение и то, что запись 1929 года позволяет атрибутировать данное стихотворение как, безусловно, кязимовское.

В 2007 году доктор филологических наук Х. Х. Малкондуев, долгие годы занимавшийся собиранием и изучением поэтического наследия известного деятеля исламской культуры и просвещения Дауута-Хаджи Шаваева (Абайханова), составил и издал сборник его произведений «Дуния сагъышлары» («Раздумья о жизни») и включил в него данное стихотворение под названием «Махтау болсун бир Аллахха» («Да будет восхваление Аллаха»). В комментариях Х. Х. Малкондуев отмечает, что стихотворение было записано им

в 1979 году в Чегеме у Шамшудина Атабиевича Кулиева, который полагал, что автором произведения является Дауут-Хаджи Шаваев (Malkonduyev, 2007: 173).

Первые исследователи творчества Кязима Мечиева – Кайсын Кулиев, Далхат Маммеев, Алим Теппеев и др. – заложили основы кязимоведения, специальной отрасли литературоведения в карачаево-балкарской филологии. Их вклад в культуру народа трудно переоценить.

Заслуживает внимания и поддержки многолетняя подвижническая работа поэта А. Бегиева по сбору, поиску, дополнению и восстановлению оригиналов произведений К. Мечиева.

Выявленный в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН стихотворный текст «Бейты Кязима-хаджи» подтверждает, что работу по сбору и систематизации текстов произведений Кязима Мечиева нужно продолжать. Актуальной остается и конечная цель – академическое издание литературного наследия поэта, в котором были бы сведены воедино все варианты его произведений и проведена серьезная текстологическая работа.

Здравствующие и ныне немногочисленные уроженцы Шики и их потомки, продолжающие называть себя *шыкьычы* (шикинцы), хотя само родное село Кязима так и не было восстановлено после возвращения балкарского народа из депортации, все еще являются носителями важной информации о жизни и творчестве своего великого земляка.

«Чем значительнее писатель, тем сложнее судьба его литературного наследия», – заметил известный литературовед и текстолог С. А. Рейсер (Reyser, 1978: 104). Не стал исключением и Кязим Мечиев.

Обнаруженная в Санкт-Петербурге в 2016 году запись одного из стихотворений великого поэта убеждает: открытия еще возможны.

Приложение

КЯЗИМ-ХАЖИ(НИ) БЕЙТЛЕРИ

Башлайма хамд этип Аллахха келям,
Болсун фыйгьамбарына салауат-салам.

Сора болсун асхабына аллына,
Андан сора – муминлени барына.

Айя мумин, тынгыла бары сёзлеге,
Эшитсенг, жилямукъ келир кёзлеге.

Алдатма кесинги дуния малына,
Бшанмай тур санга келлик ажалгъа.

Амал эт, эркинлик кьолдан кетгинчи,
Къайгьынгы кёр, ажал санга жетгинчи.

Узун тутма дунияда амалны,
Унутмай тур санга келлик ажалны.

Кёп жыйма дуняны сен кир малындан,
Санга айтайым ёлмекликни халындан:

Ёлюр ауруу тийип санга, жатарса,
Ол заманда, уянып, кёзюнгу ачарса.

Къаргъанырса кёймай намаз кылыргъа,
Мюлкюнгу берип, башынгы жулургъа.

Этгенлеринг тюше башлар эсинге,
Къоркъуу келир ол заманда кесинге.

Къабыл болмаз ол заманда сёзлеринг,
Дуньягъа къарай кетер кёзлеринг.

Азырайыл алыр сени жанынгы,
Тенглеринг тюз этер къуру санынгы.

Муллала къангагъа салып жууарла,
Эки къаты акъ былан сени чулгъарла.

Жансыз атха салып, жолгъа чыгъарла,
Ахлуларынг сени ызынгдан жилярла.

Жамауатынг санга намаз кылырла.
Элтип, сени тар къабыргъа сугъарла,

Къуярла анда юсюнге топуракъ.
Жан кирип, къобарса кесинг анда къоркъуракъ.

Билирсе анда ёлгенинги,
Кёрюрсе тар къабыргъа келгенинги.

Салырса къулакъ анда келямлагъа,
Саусунуп, кычырырса адамлагъа.
Эштмезле адамла анда сесинги,
Кёрюрсе къабырда жангыз кесинги.

Адамла, басдырып сени, кетерле.
Мычымайын Мункер-Накир жетерле.

Аллах, файгъамбардан сууал этерле,
Гитченги, уллунгу кёймай тинтерле.

Ахшы болсанг, сени ариу кёрюрле,
Бири соруп, бири жауап берирле.

Сорурла анда сени намазынгдан,
Хайыуанла жилярла сени ауазынгдан.

Хар бир затны кьалдырмайын сорурла,
Жауап бермесенг, токьмакьла урурла.

Мункер урса – сени кёкге миндирир,
Накир урса – сени жерге сындырыр (сингдирир?).

Мункер ауузундан отла чачылыр,
Кьабыргьа жаханым эшик ачылыр.

Мункер сорур санга сюрыйяни тил.
Бу ишлени кёрлюгюнгю шексиз бил.

Кьабыр кьысар, аман тарлыкь жетдирир,
Иегилеринги бир бирсинден ётдюрюр.

Окьусанг Кьуран, анда нёгер болур,
Намаз кьылсанг, кьабырынг нюрден толур.

Тамам этсенг хаж – ораза – зекятны,
Кьууанып табарса анда хар затны.

Мункер-Накир тынч сууалла этерле,
Жубата, жукьлатып берип кетерле.

Кьалырса кьабырда махшаргьа дери.
Кьобарла кьабырдан хар адам ол кюн.

Ёлюкню халларын санга айтайым,
Махшар халкьны таурухуна кьайтайым.

Кьобарса кьабырдан, сур юфгюрюлюп,
Кьалырса ол жерде минг жыл тирилип.

Кьобарса кьабырдан кесинг жаланлай,
Махшар кюнде сен жүрюрсе жаяулай.

Кьоркьгьандан, анда кёзюнгю кьакьмазса,
Бир сёз сёлеширге изни тапмазса.

Туз кибик болур ол кюнде эриуюнг,
Тапмазса кирирге анда сериуюн.

Кюн энер жууукъгъа бир атым къадар,
Тапмазса ол кюнде дунья мадар.

Иссиден, ол кюнде мийи[си]нг къайнар,
Къоркъуудан, ол кюнде жүрегинг жанар.

Жюклерсе аркъанга хар амалынгы,
Билмезсе ол кюнде боллукъ халынгы.

Батарса белинг деричин тереннге,
Башханы къайгъысы келмез кёлюнге.

Къайгъыла алыр ол кюнде башынгы,
Кёрсенг, танымазса кеси жашынгы.

Къоркъурса ол кюнде этген хатангдан,
Къачарса ол кюнде, кёрсенг, атангдан.

Эки жыйырма он сууалгъа барыrsa,
Жауап бермегенде, минг жыл къалыrsa.

Жауап бергенден сонг, женгил ётерсе,
Андан сонгра сен хыйсапха жетерсе.

Барыrsa хыйсапха, аман къыйналып,
Туруrsa Аллахны аллында уялып.

Берирле тефтеринги санга, чулгъанып,
Окъурса ичиндегилерин, танып.

Къарарла, тефтеринги санга берип,
Жилярса, ичиндегилерин кёрюп.

Аллах сени хыйсап этер сууатха,
Санларынгы сёлешдирир шагъатха.

Барыrsa Сыйратха, малекле соруп (сюрюп?),
Кетерсе Сыйратдан, энишге тигелеп.

Эмерле жилянла, юсюнге жыйылып,
Жанарса жаханым отда, жыйырылып.

Шайтанынг была бирге [сени] байларла,
Этинги жаханым итле чайнарла.

Жилярса малекге, суу бер деп манга,
Жа[нш]ай тур, деп жауап берир ол санга.

Сюе болсанг жаханымге бармазгъа,
Кюреш Ибилисге боюн салмазгъа.

Дуняя была нафс айтханнга айланма,
Жаханымде шайтан была байланма!

Нек алмайса бу сёзлени эсинге?
Нечик, жазыкъ, эталмайса кесинге?

Къарындашым, бу сёзлени ариу ал,
Китап айтхан хар бир ишге боюн сал.

Ахшылыкъ этсенг, дуньяда бир берип,
Къууанырса, ахыратда онг кёрюп.

Хайыр этсенг дуняда къуллагъа,
Эркин болурса жаннетде хурлагъа.

Къонакъ келсе сени юйюнге, ариу кёр,
Аз-кёп болсун, садакъадан бир аз бер.

Аллахны буйругъун къоймай эталсанг,
Буюрмагъанларын этмей кеталсанг,

Жаннетлени сайламасын алырса,
Жаханымден узакъ болуп къалырса.

Ариу болса хар адамгъа къылыгъынг,
Къабыл болур Аллахха этген къуллугъунг.

Чомарт болсанг, сен жаннетге кирirse,
Сыйратдан кёк жашнагъанлай жүрюрсе.

Болсанг мында беш намаз этерге сакъ,
Къыямат кюн болур бетинг сютден акъ.

Инжитмесенг атанг была анангы,
Аллах кечер сени этген хатангы.

Дуньяда не суйсенг къарындашынга,
Ахыратда ол келир сени башынга.

Ёксюзге, факъыргъа келсе жазыгъынг,
Бек кёп болур ахыратда азыгъынг.

Ахшыланы ахшылыгъын унутма,
Санга аманлыкъ этгенлеге дерт тутма.

Хайыр берсе халкъгъа аузунг была къолунг,
Тюз болур ахыратда барлыкъ жолунг.

Адамлагъа, тил жүрюютюп, сёз салма,
Ахырат азабын сен сатып алма.

Эсириклик этсенг сен хар юмметге,
Кирмезсе, жаным, сен арталлы жаннетге.

Тенглеринге этсенг, жаным, ызарлыкъ,
Сең[и] артынга келир бек аман тарлыкъ.

Къызгъанч болсанг, азны-кёпню санарса,
Къыяматда жажанимде жанарса.

Адамланы ызындан сёгюп сёлешсенг,
Ахшылыкъларынгы берип тёлерсе.

Къылсанг намазынги адамгъа кёзбаугъа,
Алырса Аллахны кесинге жаугъа.

Ётюрюк айтсанг сен, аузунга келтирип,
Ийман тохтар сенден кенгнге секирип.

Алсанг дуньяда адамны хакъын, урлап,
Алырса къыяматда он къарлап.

Этсенг дуньяда адамлагъа артыкълыкъ,
Ахыратда санга келир жазыкълыкъ.

Барсанг дуньяда нафсынги жолуна,
Берсенг эркинлик Иблисни къолуна,
Дуньяда намаз къылма деп буюрур,
Ёле туруп, ийманынги сыйырыр.

Алдар сени, дуньяда кюч жайып,
Этер санга къыямат кюн бек айып.

Айтыр ол кюн: айып этме сен манга,
Айып тийишлиди менден бек санга.

Дуньяда бий болуп, санга бармадым,
Къуру уасуас былан сени алдадым.

Салдым сени къутулмазлыкъ тузакъгъа,
Къачарлыкъма бюгюн сенден узакъгъа.

Нек кьоркьмайса, бу ишлени кёре, биле?
Нек тураса дуньяда ойнай, кюле?

Мени жаным, намазынги кьалдырма,
Иблисни тузагына салдырма.

Сен алдатсанг Иблис деген душманнга,
Ахыратда сен кьалырса бушманнга.

Анда бушманлыкьдан файда тапмазса,
Артха айланып, дуньягьа кьайтмазса.

Дуньягьа кьайтырынги сюерсе,
Кьайталмайын, жаханымде кюерсе.

Аллах быллан сакьланабыз биз андан,
Тергеу алчы, харип адам, сен мындан.

Беш намазын кьалдырмайын эталгьан,
Харам затдан кесин сакьлап кеталгьан –

Иблис айтханны этерге унамаз,
Ахыратда бу ишлени сынамаз.

Алдатма кесинги сен Иблисге,
Хакьыннан (хакь ийнан?) файгьамбар айтхан хадисге.

Файгьамбар айтханны эшит, ангыла!
Мен да айтайым, сен да, ийнанып, тынгыла!

Беш намазны жамауатда кьылгьаннга,
Беш ахшылыкь барды аны эталгьаннга:

Дуньяда анга факьырлыкь кёрюлмез,
Ёлгенинде, кьабыр азап берилмез.

Ючюнчюсюн баян этейим санга –
Берирле тефтерин онгундан анга.

Сыйратдан кёк жашнагьан кибик жюрюр,
Хыйсапсыз, азапсыз жаннетге кирир.

Кязим харип бу назмуну этгенди,
Кьююп тынды, бейтлери жюз[ге] жетгенди.

*Запись А. К. Боровкова. 1929 г.
Транслитерация Ас. Т. Додуевой*

Литература

- BEGİYEV 1996 - Begiyev A. M. Kommentarii // Meçiyev K. B. Stihi. Zikrı. Poemı. Nalçik: Elbrus, 1996. {Begiyev A. M. Comments // Mechiyev K. B. Poyems. Dhikr. İzd. Elbrus, Nalchik.
- BEGİYEV 1996 - Begiyev A. M. Kâzim (Predisloviye) // Meçiyev K. B. Stihi. Zikrı. Poemı. Nalçik: Elbrus, 1996. {Begiyev A. M. Kâzim (Preface) // Mechiyev K. B. Poyems. Dhikr. İzd. Elbrus, Nalchik.
- KULİYEV 2011 - Kuliyeв K. Ş. Sobr. soç. V 6 t. Nalçik: Elbrus, 2011. T. 6. {Kuliyeв K. Sh. Collected Uorks. In 6 volumes. İzd. Elbrus, Vol. 6. Nalchik.
- KUÇMEZOVA 2013 - Kuçmezova R. A. Kâzim Meçiyev: «YA odin iz vas. YA jil...». Nalçik: Elbrus, 2013. {Kuchmezova R. A. Kâzim Mechiyev: "I am one of öu. I lived...". İzd. Elbrus, Nalchik.
- MALKONDUYEV 2007 - Malkonduyev X. H. Kommentarii // Şavayev (Abayhanov) D.-X. Razdumâ o jizni: Poemı. Zikırı. Stihi. V 2 ç. Nalçik, 2007. Ç. 2. {Malkonduyev Kh. Kh. Comments // Shavayev (Abaykhanov) D.-Kh. Reflections on Life: Poyems. Dhikr. In Part 2, Nalchik.
- MEÇİYEV 1989 - Meçiyev K. B. Sobr. soç. V 2 t. Nalçik: Elbrus, 1989. T. 2. {Collected Uorks. In 2 volumes, İzd. Elbrus, Vol. 2. Nalchik.
- REYSER 1978 - Reysler S. A. Osnovı tekstologii. L.: Prosveşçeniye. Leningradskoye otd., 1978. {Reiser S. A. Fundamentals of tehtual criticism. Prosveshcheniye. Leningrad branch, Leningrad.
- TEPPEYEV 1989 - Teppeyev A. M. Kommentarii // Meçiyev K. B. Sobr. soç. V 2 t. Nalçik: Elbrus, 1989. T. 1. {Teppeyev A. M. Comments // Mechiyev K. B. Collected Uorks. In 2 volumes. İzd. Elbrus, Vol. 1. Nalchik.
- TEPPEYEV 1989 - Teppeyev A. M. Kâzim Meçiyev (Predisloviye) // Meçiyev K. B. Sobr. soç. V 2 t. Nalçik: Elbrus, 1989. T. 1. {Teppeyev A.M. Kâzim Mechiyev (Preface) // Mechiyev K. B. Collected Uorks. In 2 volumes. İzd. Elbrus, Vol. 1. Nalchik.